

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОП

В ЗАКОНЕ

ПРАВО
ВЫЖИВШЕГО

Я – вор в законе (Эксмо)

Сергей Зверев
Право выжившего

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Право выжившего / С. И. Зверев — «Эксмо», 2017 — (Я – вор в законе (Эксмо))

ISBN 978-5-699-94328-9

Бывший десантник Косарев чудом выжил под огнем душманских пулеметов в Афгане, ходил под пулями чеченских боевиков. Но оказалось, что в мирной жизни для него война не закончилась. Областной городок Апрелевск поделен на зоны влияния между бандитскими группировками, они перепродают наркоту, а на вырученные деньги покупают оружие. И опер уголовного розыска Косарев должен практически в одиночку остановить этот беспредел. Конечно, у него железные нервы, он люто ненавидит криминал, но и бандитов слишком много. Ему остается только одно – столкнуть лбами две группировки, чтобы они уничтожили друг друга... Ранее книга выходила под названием «Вороненый арбитр».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94328-9

© Зверев С. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Иванович Зверев

Право выжившего

© Рясной И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Бой в горах

Солнце закатывалось за неуютные, необжитые каменистые горы. Высоко в бледном небе парили черные птицы. А внизу кипел бой. В ущелье погибала зажата и обложенная со всех сторон разведывательная группа.

Группу вел агент Пятого управления ХАД (Министерства безопасности Демократической Республики Афганистан). Он уверял, что путь чист. По всем данным, банда Усман-шаха, хозяина этих мест, ушла далеко на юг и навела страх на сторонников режима Наджибуллы. Но оказалось все не так.

Головорезы Усман-шаха из автоматов и крупнокалиберного, двенадцать и семь миллиметров, зенитного американского пулемета били по колонне, доставая одного «шурави» за другим и верша суд Аллаха.

Распластавшийся за камнями командир разведроты капитан Косарев не знал, намеренно проводник завел их в засаду или просто душманы просчитали маршрут разведгруппы. С проводника взять уже нечего – его труп скрючился в догорающей боевой разведывательно-дозорной машине, перекрывшей узкую горную дорогу.

– Селигер, я Ока, – повторял Косарев в микрофон рации. – Нас зажали в ущелье. У меня четверо «ноль двадцать первых» и пять «ноль тридцать первых».

В переводе с армейского это означало, что в ходе боя уже погибло четверо и ранено пятеро бойцов.

– Шлите вертушки, – требовал Косарев.

– Ока, помощь придет. Ждите, – слышалось из наушника в ответ.

– Не успеют, – лейтенант Родионов отщелкнул сдвоенный магазин «АКМ», отбросил его в сторону, подсоединил новый и дал короткую очередь в сторону рассредоточившихся на вершинах «духов». – Положат нас здесь. Всех.

– Не каркай.

– Факт.

Очередь зенитного пулемета прошла совсем близко, и над головой просвистели каменные осколки.

– Могло быть и хуже, – переведя дыхание, крикнул Косарев.

Действительно, если бы подвижный шестым чувством, он в последний миг при входе в ущелье не дал команду «Назад», на фугасные закладки напоролись бы все машины. «Духи» выбили из гранатометов две крайние. А потом и третью. Но русские солдаты успели рассредоточиться и, используя каменные завалы, выбрать позиции и кое-как закрепиться. Но долго не продержаться. Можно было бы повоевать, если бы не прекрасно выбранная «духами» огневая точка, с которой бил зенитный пулемет.

– Шакалы дети, – прошипел лейтенант Родионов, вновь нажимая на спуск. – Ничего, дорого я вам стану.

– Надо накрывать пулеметную точку, – сказал Косарев.

– Ага, – лейтенант вытер щеку, по которой струилась кровь. – Почему я не птица, почему не летаю?

– Если по той трещине – то как раз можно выйти к стене. И «духи» не увидят – сектор не просматривается.

– На тебе! – высунувшись, лейтенант послал длинную очередь, кажется, кого-то задел. – Без мазы. Не залезть.

– Принимаю командование. И прикрой. Я иду.

Косарев отдал лейтенанту автомат – слишком тяжелая штука для таких путешествий, взял гранаты, погладил пальцами рукоятку разведножа. Кивнув лейтенанту, хлопнув его по руке, двинул вперед...

Без страховки, без альпинистского оборудования штурм такой стены выглядел совершенно нереальным. На несколько десятков метров взметнувшаяся вверх стена казалась бесконечной.

Косарев был альпинистом от бога. Он чувствовал стену, как нечто родное. Он ощущал камень, находил единственно возможную дорогу. Его пальцы впивались в неровности, камни летели из-под ребристых подошв. Один неправильный шаг, одно неверное движение – и вниз, на острые скальные обломки.

Смерть – и хорошо, если быстрая, а не постепенно наваливающаяся на изломанное болью тело. А потом смерть всей разведгруппы. Молодых, полных сил, отчаянных ребят, за которых Косарев был в ответе.

Для Косарева сейчас не было грохота боя. Не было резких холодных порывов ветра. Для него во всей вселенной существовала лишь эта стена, этот барьер, который он должен был взять во что бы то ни стало.

Резкое движение. Камень откалывается и летит вниз. Следом должен рухнуть Косарев. Но последним усилием он вжимается в стену, сливается с ней воедино и удерживается...

Перевести на секунду дыхание. И дальше. Выше.

Косарев осмелился посмотреть наверх. Оставались последние метры. Самые легкие. И тогда он понял, что дошел...

На точке было трое «духов». Классические – бородатые, с обмотанными головами. Обычай не позволяли бриться, пока идет священная война. Этим трем «духам» не пришлось праздновать в ней победу. Косарев накрыл их двумя гранатами.

Искореженный зенитный пулемет полетел вниз, вместе с держащим его автомат «духом». Замысел Косарева подразжиться на точке оружием провалился. «ПМ» и три магазина – весь арсенал. Капитан спрыгнул на ровную площадку и перемахнул через труп «духа». Выхватив пистолет, он всадил пулю в лоб еще одному высунувшемуся из-за насыпи воину ислама. Потом ринулся вперед, стреляя в мелькающие за камнями силуэты.

Отсюда ущелье было как на ладони. Но у Косарева не хватало времени любоваться пейзажем, украшенным горящими БРДМ.

Он попал в самый центр улья. «Духи» сползались к площадке, чтобы отвоевать снова огневую точку. Отстреляв третий магазин, капитан крикнул:

– Ну, подходите, твари!

«Духи», поняв, что «шурави» остался практически безоружным, ринулись вперед, видимо, решив взять его в плен.

Русский офицер в плену – это почетно, поднимает статус банды. Кроме того, за русского офицера можно много выторговать как у «шурави», так и у американцев.

Первого нападавшего Косарев сразил броском ножа в горло. А потом ринулся навстречу врагам, орудуя рукояткой пистолета. Он уклонился от удара прикладом, почувствовал, как рукоятка впилась в чье-то лицо, услышал крик ужаса.

Перехватил ствол автомата.

«Духи» переоценили себя. Взять русского капитана живым им не удавалось.

Боли Косарев не чувствовал. Он лишь ощущал глухие удары по телу. Как-то отстраненно он подумал, что это разрывают его тело свинцовые пули. Уже будучи искромсанным очередными, капитан зубами рвал очередного вопящего от ужаса «духа». Бандитам казалось, что в образе «шурави» сам демон мщения пришел за их душами.

Отчаянный бросок Косарева дал возможность разведчикам перейти в наступление. Схватка на вершине горы стала переломной. Нервы у «духов» не выдержали, и они начали

отступать, огрызаясь очередями. Бой дорого обошелся разведrote. Но и враг тоже не остался безнаказанным.

– Эх, – вздохнул лейтенант Родионов, вытирая рукавом пот с кровью и пытаясь восстановить сбившееся дыхание. Он чувствовал себя немного пьяным от угара боя. Нагнулся над искромсанным автоматной очередью капитаном и перевернул его на спину, прощупал пульс, провел надо ртом ладонью. – Все. Пусть земля тебе будет пухом, командир.

– Какой мужик был, – старший сержант, замкомвзвода, присел на колени рядом с капитаном. На его глаза навернулись слезы. Бой прошел. Настала пора считать по самому страшному в мире счету – счету потерь. – Ну-ка, – вдруг пригнулся он над телом. – Товарищ лейтенант, кажись, живой!

– Не может быть. В него вогнали пуль восемь.

– Жив!

Лейтенант ошибся дважды. Во-первых, в Косарева вогнали не восемь, а четырнадцать пуль. А во-вторых – он действительно был жив.

Глава 2

Возвращение с того света

– Ну как, капитан, здесь лучше, чем на том свете? – спросил хирург-подполковник, присаживаясь на край кровати.

– Больно...

– Значит, живехонек. Радуйся.

– Очень больно.

– Ты молодец, капитан.

– «Духи» еще поплачут. Я вернусь.

Хирург задумчиво посмотрел на смертельно бледного, перевязанного командира разведроты. С ним получилось, как в песне:

Врач до утра все щелкал языком
И терпеливо пули удалял.

Четырнадцать пуль засело в теле командира разведроты. Засели достаточно удачно. Во всяком случае, Косарев остался при всех своих внутренних органах, что само по себе чудо.

Сперва казалось, что все напрасно – капитану не жить. Но седой хирург-подполковник почуял в Косареве чудовищную жажду жизни, нестигаемую волю и пообещал ему и себе:

– Вернешься, родимый. Вернешься...

Это был 1988 год – предпоследний год войны в Афганистане. И четвертый год войны капитана Косарева. Они вместили в себя тысячи промеренных гусеницами и ногами афганских верст. Три похода на караваны с наркотиками и оружием. Бесконечная череда рейдов, засад, вылазок. Орден Красного Знамени, Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги».

Продолжить эту войну Косареву не удалось. В 89-м наши войска под рукоплескания всего мира покидали Афганистан, оставляя на произвол судьбы своих союзников, запуская эту страну на новый, куда более жестокий виток гражданской войны. Солдаты и офицеры возвращались домой, еще не зная, что это лишь первый рубеж, оставляемый Россией. А за их спинами победившие «духи» не уставали повторять свой многолетний лозунг: «Эта война закончится на территории СССР».

Изломанный, но не сломленный капитан Косарев вернулся на родину. А вот лейтенант Родионов, с которым бок о бок бились в ущелье, навсегда остался в богом проклятой земле, и никто не знает, где его могила. Да что говорить, немало ребят вернулись домой в «Черном тюльпане».

После Афгана в Косареве что-то надломилось, что-то ушло навсегда. Ушел страх смерти. Все страхи остались в выжженном солнцем пыльном ущелье, в кабульском госпитале, в чужой, враждебной, ненавистой стране.

После госпиталя – увольнение по состоянию здоровья из армии.

Конечно, неприятно, но не смертельно. Пройдя войну, он не мог представить себя комбатом в каком-нибудь забытом богом полку. Хуже было другое – полностью разваленное здоровье, сочувствующие взгляды окружающих, ощущение собственной никчемности. Что делать? Чем заняться?

Был полученный в военном училище диплом «инженера по эксплуатации гусеничной техники». Но заведование каким-нибудь тракторным парком не привлекало. Преподавать начальную военную подготовку в школе? Смешно. Существовать на пенсию по инвалидности и за рюмкой водки вспоминать былые походы и победы? Упаси господь.

Косарев знал свой путь. Это был путь воина. И идти по нему он намеревался до конца.

Что такое четырнадцать пулевых ранений и справка о второй группе инвалидности? Плюнуть и растереть! Он привык, как ураганом, сметать со своего пути все препятствия.

Косарев никогда не жалел себя. Восемь-десять часов в день – тренировки. Обошел не один десяток врачей. Собрал и опробовал множество лечебных методик, начиная от фитотерапии и кончая акупунктурой. К рукам, которые в былые времена гнули металлические прутья, возвращалась былая сила.

И однажды Косарев вышел на альпинистский маршрут со старыми товарищами. Пройдя его, понял, что побеждает.

В девяносто первом году, заехав в Москву в госпиталь Бурденко, заглянул к хирургу-подполковнику, вытащившему его с того света. Подполковник, осмотрев бывшего пациента, изумленно покачал головой:

– Как ты смог?

– Смог. Я обещал вернуться в строй. И давить «духов», – улыбнулся Косарев.

– Где он, тот строй. И где они, те «духи»? – отмахнулся подполковник.

– Уж в «духах»-то недостатка нет. Они как тараканы – во всех щелях, – Косарев сжал кулак. – Давить, – в его глазах появилось недоброе выражение.

Косарев знал: мир без войны для него не существует. Этот самый мир сузился теперь до двух измерений: есть враги и есть друзья, свои и чужие, те, кого нужно защищать, и те, от кого нужно защищаться. Окончательно он определился, когда его однополчанина майора Нестерова зарезала в подворотне шпана. Майор спасал жизнь незнакомой женщине. Он ринулся, не раздумывая, ибо знал, что обязан защитить человека, тем более беспомощную женщину. И бился до последнего с семерыми. Они так и не взяли бы его, если бы майор не подставил им спину. Удар ножом в спину – коронный трюк подонков. Нестеров, прошедший весь Афган, не раз выходивший из безвыходных ситуаций, встретил смерть в заплеванном, грязном московском переулке. Тогда-то Косарев ясно понял – «духи» есть не только в Афгане.

В девяносто третьем капитан запаса Косарев переступил порог отдела кадров областного УВД. Старший лейтенант-кадровик смотрел на него с какой-то смущенной жалостью.

– Да, Сергей Валентинович, мы, конечно, рассмотрим... Но. Вы же понимаете, требования к здоровью сотрудников МВД не ниже, чем в армии. А у вас...

Он растерянно ткнул пальцем в заключение военно-врачебной комиссии.

– Вторая группа все-таки, – развел руками кадровик.

– Я здоров.

– Но...

– Никаких «но», старлей. Я здоров.

Кадровик поморщился:

– Если вы настаиваете. Надо новое решение ВТЭК. Потом мы проведем спецпроверку. Потом медкомиссия. Потом...

– Хватит болтать. Делай свое дело.

Через четыре месяца Косареву было присвоено звание капитана милиции. Сначала его назначили заместителем начальника отделения милиции по кадрам. Но через три месяца он кинулся на передовую – в уголовный розыск.

Дела у Косарева сразу пошли успешно. Оказалось, что в нем дремали недюжинные способности к оперработе. В нем была злая целеустремленность, позволявшая ставить на место даже самых наглых клиентов, раскалывать самых отпетых уголовников. Эта его злость настояживала даже коллег и заставляла относиться к «афганцу» с некоторой опаской. Ну а еще – Косарев «играл не по правилам».

Оперативник, следователь, ведущие дело, обычно попадают в сеть взаимоотношений с преступником: здесь и какие-то обещания, которые надо выполнять, и устоявшиеся традиции.

Косареву на это было плевать. Для него расследование дел стало боем, который должен быть выигран любой ценой.

Он очертя голову лез туда, куда никто другой не полез бы никогда. Голыми руками скрутил обкурившегося анашой отморозка, среди бела дня открывшего у центрального универмага стрельбу из обрезка. Не побоялся войти в квартиру, где после налета делилось похищенное. Разнимал ожесточенные пьяные драки, когда под действием алкоголя, застилающего глаза, «бойцы» способны на все. Громил бани, где гуляла авторитетная братва. Его злость и ожесточенность охлаждали самых пылких.

Вскоре среди уголовников и шпаны за ним укрепилась кличка Душман. Через три года Косарев был переведен в областное управление. Молодой, не отягощенный семейными узами, малопьющий, но зато выкуривающий полторы пачки в день, подполковник Косарев стал старшим оперуполномоченным, а затем и старшим по особо важным делам второго отдела – по расследованию убийств и тяжких преступлений против личности.

Глава 3

Честный бродяга

Гвоздь сидел перед камином в уютном кресле, поглаживая кота, и вспоминал, как это было уже более десяти лет назад, в девяносто шестом.

Да, была зима 1996-го. За окнами падал первый снег. Он устилал черную землю и ложился на крыши бараков, корпусов жилой зоны и на вышки с автоматчиками. Мелькали молнии газосварки – варили решетки на первом этаже нового административного корпуса. Сустились эки на строительстве часовни – оно уже подходило к концу, и через месяц ее должен был освящать митрополит. По территории шел строй одетых в темные робы заключенных. В комнате для отдыха барака третьего отряда свободные от смены эки смотрели утренний прогон «Санта-Барбары». Фильм вызывал самые бурные отклики.

– Не, ну не волки? – слышались крики, когда постельная сцена оборвалась на самом интересном месте.

– Пушай вымя бабское покажут!

Дальнейшее действие сопровождалось комментариями.

– Ну такого козла, как этот Кейт, давно мочить надо было.

– Не, в Штатах за прокурора сразу вилы...

Внешне день в колонии строгого режима, где отбывают наказание опасные преступники, второй и более раз оказавшиеся за проволокой, выглядел обычным. Но вместе с тем это был исторический для учреждения день. На свободу выходил смотрящий зоны, глава воровского братства по кличке Гвоздь.

Гвоздю не хотелось церемоний. Все просьбы, наказания, поздравления, ритуалы – все было вчера. Сегодня же он просто в последний раз прошелся по барaku. Один. Чтобы никто не моголил глаза. Посмотрел на свое место – койка в отдалении от других, с ковриком и домашними тапочками. Большого Гвоздь себе не позволял, да и администрация была строгая.

За судьбу колонии Гвоздь особенно не беспокоился. Отдавал «дом» в надежные руки. Найти подходящую кандидатуру – проблема, особенно в нынешние времена всеобщего падения нравов. Как сказано в кодексе честных арестантов – «Законе преступного мира, правилах общака и воровской идеи», – «смотрящий в воровской идее должен быть кристально чистым, преданным душой и сердцем идее справедливости».

Философов и идеологов что-то Гвоздь не встречал, так что закон отдавал соцреализмом в стиле «Кубанских казаков», когда выдавали желаемое за действительное... Воров в законе больше на зоне не было. На роль смотрящего избрали главшпану второго отряда Бздыню. Молодой, но принципиальный, правильный по жизни член «общества». Беспредела не допустит, «тимуровцам» – новоявленным гангстерам – спуску не даст, но и с администрацией будет жестко держаться, на капризы ментовские не поддастся. Тому гарантия – треть срока в помещении камерного типа провел. Крепкий орешек. Быть ему «законником».

Времена на зоне ныне нелегкие, так что смотрящему новому будет тяжело. Верно сказано в последней воровской маляве – в обращении к честному люду: «Прощельги сбиваются в банды и наворачивают в одни ворота, прикрываясь при этом масками под бродяг, добывая благо для себя лично. Отсюда страдает Общее и весь воровской люду. Интриги и склоки вошли в жизнь лагерей и тюрем. Все это является чуждым нормам, чуждым людскому и пушено на самотек. Свое ставят выше общих этикетов и интересов, а это уже гадское.

Многие, придя с воли, несут с собой новорусские взгляды. Это пресечь. Здесь им нет места. Запомните, у порядочного люда закон один, и люду в лагерях и острогах должен быть один – воровской. Так было, есть и будет. В наше время есть возможность жить достойно по

нашим законам и есть чем ответить мусорам на беспредел и чем удивить. Думайте, братья, а еще лучше – делайте!»

Но это уже не Гвоздя заботы. У него, чувствует, будет немало забот и на воле.

– Ну что, Полосатик, откидываемся? – усмехнулся Гвоздь и погладил по голове здорового полосатого кота.

Держать собственного кота в зоне – большая привилегия. Коту было два года. Подобрали в цехе и привели его эки, когда тот еще был котенком. Гвоздь, увидев его, сразу понял, что нашел хорошего кореша. Имя дал с намеком – Полосатик, так называют эков на особом, «полосатом», режиме. И сегодня кот, не видевший в своей жизни ничего, кроме зоны, собирався вместе с хозяином в большой мир.

– Ну все, пора, – Гвоздь взял поудобнее кота и вышел из барака, подставляя лицо первому снегу.

Формальности. Справка об освобождении. Деньги на проезд. Бесплезные слова напутствия командира отряда. И, наконец, визит к «куму» – начальнику оперчасти майору Гамову.

– Садись, Гвоздь, – кивком пригласил Гамов. – Как насчет чайку?

– Благодарствую. Не надо, гражданин майор.

– Правильно. Из рук «кума» ничего брать нельзя. Так?

– Может, и так.

Они сидели друг напротив друга. Люди примерно одного возраста – под сорок пять. Чем-то похожие друг на друга – оба плотного сложения, физически сильные, волевые, уверенные в себе и своей правоте. Привыкшие, как боксеры, всю жизнь драться на ринге. Опер и вор в законе не питали друг к другу добрых чувств, но ценили один другого как опасных и умных противников. Оба жили своими идеями, своей правдой, и у обоих в последнее время эти идеи и правда сильно потускнели, обветшали на ветрах беспокойных времен. Оба считали, что честны перед собой и другими. К рукам Гамова не прилипла за всю жизнь ни одна неправедная копейка. Но и Гвоздь не запятнал себя тем, что поступался воровскими законами в угоду администрации, выторговывая себе какие-то блага.

– Значит, на свободу, – Гамов сложил руки на груди и внимательно разглядывал вора в законе.

– Добавь: с чистой совестью.

– Не добавлю. А не боишься на свободу? Девять лет тут. Прижился. В авторитете. А там...

– Я же не Хилый. Выдюжим.

В прошлом году старого вора Хилого целые сутки искали по всем уголкам, чтобы выдворить на волю. Он умолял оставить его здесь, поскольку не знал, что с ней делать, с враждебной ему волей. Он боялся ее. И она оправдала его самые худшие ожидания. Там было слишком больно, суетно, серо. Через два месяца он прибыл снова. Пробыв на воле неделю, демонстративно, чуть ли не на глазах у всех, залез в сумку в троллейбусе и получил новый срок.

– Девять лет, – задумчиво повторил майор. – От звонка до звонка.

– До часа.

– А как иначе? Законнику грех у властей снисхождения просить. Три правила: не бойся, не верь, не проси.

– Точно так.

– Как дальше жить будешь, Гвоздь?

– Садовником устроюсь. Или воспитателем в детский сад.

– Понятно... Гвоздь, скоро полтинник грянет. Финишная ленточка уже маячит – при наших профессиях долго не живут. Пора и о душе думать. Сколько людей-то на тебе.

– Это когда было. По молодости.

– Правильно, был ты по молодости палачом. Вдумайся в это слово – палач. Приговоры сходок да правилки в исполнение приводил. Подушечкой, удавкой, финкой. Так?

– Что, явку с повинной писать? Давно это было, гражданин майор. Да и народец все сплошь гнилой был – дятлы, крысятники. Шваль.

– А скольким еще по твоим приговорам билет на тот свет прокомпостировали. Достаточно зла, Гвоздь. Крест ведь носишь на груди. Остановись.

– А зачем останавливаться, коли не останавливают? Вы власть – ловите. А мы – воры, воровать должны.

– Власть, – вздохнул Гамов и сделал чуть погромче приглушенное радио. Диктор вещала что-то об очередной техногенной катастрофе, потрясшей Россию.

– Верно, – кивнул Гвоздь. – Не до нас ныне властям. Они друг другом заняты.

– Да, так дальше пойдет – вы к власти и придете, – вдруг вырвалось у Гамова, и в голосе его послышались нотки обреченности.

– А что, – широко улыбнулся Гвоздь. – Чай не хуже вас будем. Я на министра внутренних дел спокойно потяну. Вот так беспредельщиков держать буду, – он сжал увесистый кулак, весь покрытый татуировками.

Гвоздь всегда свято покрывал себя положенными вору татуировками. На груди его было вытатуировано пронзенное кинжалом сердце – символ вора в законе.

– И тебя, гражданин майор, не обидим. Ты – «кум» злой, но справедливый. Братва на тебя сердита, но правоту за тобой признает.

– Вот спасибо.

– Найдем местечко, не бойся.

– А себе-то уже местечко присмотрел?

– Это уж как господь начертит.

– С утра два быка у ворот дожидаются на «Вольво». Не за тобой?

– Вряд ли. Какой там «Вольво»?

Но, к удивлению самого Гвоздя, парочка на «Вольво» дожидалась именно его.

– Смотри, Полосатик, кореша пожаловали, – прошептал Гвоздь, поглаживая выглядывающего из-под пальто кота.

У зеленого «Вольво» стояла знакомая неразлучная парочка – Матрос и Киборг. Матрос – невысокий, подвижный, с худым, нервным, красивым, злым лицом и глазами навывкат, с небольшой сумасшедшинкой. Киборг – огромный детина, чем-то действительно напоминавший Терминатора в исполнении Шварценеггера. Они были одеты в одинаковые красные шерстяные пальто. У Матроса пальто было распахнуто, под ним виднелась черная рубашка и толстая золотая цепь, татуированные руки тоже были все в золотых кольцах. «Как Петрушка», – подумал Гвоздь.

Чуть в отдалении стоял «жигуль» с еще двумя короткостриженными, тупомордыми быками.

Матрос расчувствовался и едва не прослезился, завидев Гвоздя.

– Тысячу километров отмахали, – оценил заботу Гвоздь.

– Хоть десять тысяч, – отмахнулся Матрос. – Гвоздь, на тебя надежда.

– Чего это?

– Везде гадский промысел. Жизни честному человеку не стало, Гвоздь. Беспредел одолел, – Матрос распахнул дверь «Вольво» и жестом пригласил вора садиться.

– Излагай.

– Потом. Дома... Сегодня наш праздник.

Глава 4

Судмедэксперт

«Эх, ну почему я не дантист?» – в очередной раз с горечью подумал Граерман, сбрасывая скорость и прижимая машину к тротуару. Место было людное. Перед кинотеатром «Встреча» толпились цветочники и торговцы продуктами.

– Куда, мужики? – спросил Граерман, распахивая дверь.

– В Рогово, – сказал высокий, одетый в хлопчатобумажный пятнистый военный комбинезон и обутый в кроссовки, прыщавый парень лет двадцати пяти – тридцати на вид, похожий чем-то на деревенского дурачка. Его плечо оттягивал свернутый палас, а у ног стояли две хозяйственные сумки.

– Сколько не жалко? – осведомился Граерман.

– Ну, две сотни, – помялся приятель прыщавого – кряжистый, с широкими ладонями, одетый в коричневую куртку с надписью по-английски «Нью-Йоркские буйволы», «работяга». Его жиденькие волосы едва прикрывали розовую лысину.

– Обижаешь, – покачал головой Граерман.

– Ну, – «работяга» прищелкнул языком. – Ну две с половиной.

– Да туда пилить-то сколько. И дорога плохая. Три.

– Ладно, – нахмурился прыщавый. Хозяйственные сумки и палас затолкали в багажник.

«Шестерка» резво рванулась вперед – к выезду из города.

Граермана продолжали терзать невеселые мысли. Как-то по-дурацки получалось все в жизни в последнее время. Где это видано – занимающийся извозом еврей?! Да, это завоевание последних исторических лет. Эх, стал бы, как советовали родственники, дантистом, стриг бы по сто пятьдесят долларов за один зуб из металлокерамики и горя бы не знал. Ан нет, призвание нашел – трупы резать. Стал судебно-медицинским экспертом. Что тут скажешь? Успокаивать себя тем, что любишь свою работу, что стал в ней классным специалистом? Конечно, греет душу. Вот только второй месяц зарплату не платят. Да и то, что платили, может назвать зарплатой только большой шутник. Вот и приходится калымить.

Рисковать, можно сказать, жизнью, возить бог знает кого черт знает куда.

Граерман покосился на пассажиров. Что за люди? Знать бы, чего у них на уме? Может, накинута удавка на шею и выбросят из машины, как две недели назад водителя «Волги», – приходилось делать вскрытие... Тьфу, прочь подобные мысли. К людям надо относиться с доверием. Обычные деревенские мужики – святая пропойная русская простота. Вон, ковер в городе прикупили.

– А тебе как, хозяин, по дороге или мы тебя напрягаем? – осведомился «работяга».

– За грибами собрался. Почти по дороге.

– За грибами, – обрадовался «работяга». – Тогда тебе под Сосновку надо. Там во какие белые выдались, – судя по его жесту, шляпки у белых под Сосновкой были размером со сковородку «Тефаль».

– Я на прошлой неделе, – оживился Граерман, – на восток ездил. Там бедновато с грибами.

– Ну, ты нашел куда ездить...

Граерман действительно собрался за грибами, и попутчики подвернулись ему очень кстати. Страсть к сбору грибов у него была застарелой и горячей. И тема действительно его интересовала. Он надеялся вывести у попутчиков какие-нибудь секреты.

За разговором остался позади город, пошли пригородные поселки, а потом леса. Машина бежала гладко, хорошо. Мотор работал как часы. Никто бы не сказал, что «шестерке» скоро

десять лет. Выглядела она как новенькая. Впрочем, Граерман не слишком гонял ее. Больше она стояла в гараже – до последнего времени, пока не перестали платить зарплату и не начались каникулы в платном медицинском колледже, чтениями лекций в котором удавалось отодвинуть угрозу голода. Впрочем, в этом году деньги стали задерживать куда реже...

– А в прошлом году подберезовиков – тьма в Черных болотах, – качал головой «работяга». – Слышь, хозяин, притормози на минутку...

Граерман нажал на тормоз. А потом мир взорвался брызгами света и боли.

Пришел в себя он, стоя на четвереньках у обочины и трясая головой.

«Кастетом врезал, – профессионально определил судмедэксперт. – Ушибленная рана мягких тканей головы. Хорошо, если сотрясения не будет».

Где-то рядом слышался рев мотора. Подняв глаза, Граерман увидел буксующую родную «шестерку». За рулем сидел прыщавый. Он давил на газ, но машина никак не могла выбраться из грязи.

– Э, хозяин, подтолкни, – крикнул «работяга», опустив стекло.

– А? – ошарашенно посмотрел на него Граерман.

– Толкай, говорю.

Пожав плечами, Граерман подналег на багажник, и машина начала выползать из грязи.

– Вякнешь ментам – зароем, – крикнул напоследок «работяга». – Будешь молчать – получишь завтра свою машину у кинотеатра «Встреча». Лады?

– Лады, – кинул зло Граерман и сморщился от пульсирующей боли в затылке.

Родная «шестерка» обдала Граермана выхлопными газами и скрылась вдали. А судмедэксперт, безуспешно попробовав несколько раз остановить проносящиеся мимо машины, понуро поплелся к посту ГИБДД. Идти ему было восемь километров.

Введенный план «Перехват» результатов не дал. Через несколько дней Граерман разуверился, что когда-нибудь вновь увидит свою машину и ее похитителей. Насчет первого он был прав. А вот похитителей ему было суждено повстречать через три года. Да еще при каких обстоятельствах!

Глава 5

Грозный, 1995

«Мы закончим войну в СССР» – снова вспомнился Косареву душманский лозунг, оказавшийся пророческим. Умиравший, шепчущий слова молитвы «дух» пришел в Россию драться с ненавистными «шурави» и нести знамя священной войны все дальше и дальше.

– Зря молишься, – произнес Косарев на дари. – Твоя шакалья душа не попадет в рай.

– Сын шайтана, – прошептал «дух». – Аллах акбар, – глаза его начали закатываться.

Косарев сплюнул на землю. Все продолжается. Он никогда не уйдет от той войны.

Заканчивалась зачистка населенного пункта. Подразделения объединенной группировки на подходах к селу были встречены ураганным огнем. Артиллерия и вертолеты прошли по огневым точкам, и теперь с двух сторон военнослужащие ВВ, десантники и милиционеры отрабатывали квартал за кварталом, дом за домом. Тут нельзя зевать – иначе быстро нарвешься на минную растяжку или схватишь пулю в спину.

Бандит при зачистке быстро скидывает автомат и превращается в мирного жителя. Он с готовностью ругает Дудаева и клянется в любви к России. Пока не стемнеет. А там – снова за автомат.

Дом осмотрен. Проверен паспортный режим. Подозрительные задержаны и ждут отправления в фильтрационный пункт. Следующий...

В одном из дворов Косарева и его бойцов встретили автоматным огнем. Среди бандитов затесался тот самый афганский моджахед, душа которого сейчас готовилась к встрече с сатаной.

– Подох, – собровец ткнул «духа» носком ботинка.

– Отвоевался.

С северной окраины донеслись выстрелы. Последние. Зачистка заканчивалась. На улицы вылезали воюющие, галдящие, кричащие, рвущие волосы и сыплющие проклятия женщины. Скоро появится телевидение, и вечером на экранах будет показан очередной репортаж о борьбе «федералов» против мирных жителей, среди которых окажутся все без исключения боевики. У Косарева была заветная мечта – пристрелить какого-нибудь журналиста. И не у него одного.

На земле были разложены трофеи – автоматы, два пулемета, цинки с патронами. А также несколько бандитских трупов – неуправляемая ракета накрыла школу, являвшуюся штабом местной банды.

– Ничего, заживет, – приговаривал фельдшер, перевязывая сипло дышащего солдата внутренних войск.

– Я в порядке, – хрипел солдат.

Все, мероприятие завершено. Группа МВД – собровцы, омовцы, оперативники и пэп-эсники, пропыленные, прожженные войной, загружалась на БТР и отправлялась на базу...

Чечня конца августа девяносто пятого. Война и мир – дико перемешанные, перекрученные до абсурда, как картина какого-то крутого авангардиста. Боевые действия шли несколько месяцев, а в правительстве слышались угрозы – в случае чего введем чрезвычайное положение. Беженцы тысячами стремились прочь от бандитов и артиллерийских канонад. И вместе с тем шла бойкая торговля на рынках. Восстанавливали разрушенные и строили новые дома рабочие со всех концов России. А рядом заходили на боевой вираж «крокодилы», прессовали землю гусеницами танковые колонны, щерились стволами блокпосты.

Колонна на небольшой скорости двигалась к городу. Косарев сидел на броне, постукивая пальцами по автомату. За бэтэрами так же неторопливо тащились машины – грузовики, «Жигули», иномарки. Приучены – боевую технику не обгоняют.

Это может быть оценено как враждебный акт и наказано пулеметным огнем.

Вот и Грозный. Окраины города более или менее целые, а центр похож на Сталинград времен Великой Отечественной. Здесь каждая пядь полита российской кровью. Здесь российские солдаты в очередной раз вспомнили, что такое стоять до конца, и были захвачены одной мыслью – не отступить, в крайнем случае, если не повезет, взять на тот свет как можно больше врагов. Здесь были разгромлены отборные дудаевские части и взломана оборона, готовившаяся несколько лет, когда каждый дом превращался в крепость, когда между подвалами были прокопаны подземные ходы, дававшие возможность «нохчам» (так называют чеченцев) возникать как из-под земли в любой части города.

У ворот расположения ГУОШа (группы управления оперативного штаба) Толик Палицын – капитан из Смоленского СОБРа – стоял в окружении замызганных чеченских детишек, галдящих:

– Русский полицейский. Дай есть. Мы голодны.

Толик раздавал хлеб и консервы из своего не такого уж богатого пайка. Возле расположения подразделений МВД и армии постоянно толпились гражданские все с теми же просьбами – дайте хлеба.

– Ну как? – спросил Палицын.

– Зачистили, – махнул рукой Косарев. – Нормально...

За обыденными заботами близилась ночь. Группа управления располагалась на территории бывшей пожарной школы. Когда-то здесь вышагивали на строевой подготовке курсанты, проводились занятия. Все в прошлом. Сегодня стоят во дворе вагончики, защищенные от пуль бетонными плитами и прикрытые маскировочной сетью, – тут живут собровцы. Пустые, без стекол, окна трехэтажного здания прикрыты мешками с глиной, и из-за них смотрят угрожающе стволы пулеметов. Ныне пожарная школа – крепость. Крепость неприступная.

С наступлением темноты началась привычная, ставшая обыденной музыка грозненской ночи. Со стороны лесополосы, водонапорной башни, Старопромысловского шоссе заколотили снайперы.

Чуткий сон. Снова, как в Афганистане, Косарев готов был в секунду проснуться и вскочить на ноги. Он ворочался на кипе матрасов, настеленных на пол.

– Работенка, мужики.

Посреди ночи этими словами разбудил всех заместитель начальника ГУОШа по криминальной милиции – плотный, с пышными усами полковник МВД.

– Дудаева брат? – послышались сонные прибаутки.

– Басаев Кремль захватил?

– Нет, просто к Черномырдину в гости зашел, а все переполошились...

– Завод «Красный молот», – сказал полковник, – «нохчи» заняли.

– Рядом с комендатурой?

– Точно, – кивнул полковник.

– Обнаглели, сучьи дети, – покачал головой Косарев.

– По машинам, – приказал полковник. – На все про все десять минут...

С кряхтением ребята поднимались, натягивали кроссовки. Омоновскими, с высокой шнуровкой, ботинками – этим изобретением какого-то безымянного вредителя – пользоваться перестали давным-давно. Собровцы (в отличие от солдат) по привычке бронежилеты не брали – снайперы лепят в голову или под мышку, а движения бронежилет сковывает, замедляет, когда припрет, потерянных секунд может не хватить. Некоторые повязывали шеи и головы платками – не для пижонства, не для того, чтобы походить на пиратов. Пыль и жара, пот течет по лицу, вьедается в глаза. Тут платок и помогает.

Ночная пора – время «нохчей». Мирные жители превращались в снайперов, гранатометчиков, доставали из тайников оружие и лупили кто по чему мог – по комендатурам, по рас-

положениям воинских частей, по блокпостам. В основном били безо всякого результата, но эффект достигался – они напоминали о своем присутствии, давили на психику: «Мы не ушли. Мы всегда маячим за вашими спинами – черными, готовыми к смертельному броску тенями».

Заспанный, спокойный, индифферентно относящийся ко всему комендант района обвел равнодушным взором прибывших на трех бэтэрах бойцов МВД.

– Чего это вы? – осведомился он.

– Нам сообщили, что «нохчи» завод взяли, – сказал полковник. – Ложная тревога?

– Почему ложная? – пожал плечами комендант. – Ну, взяли.

– Принимайте командование группой, – кивнул полковник. – Будем освобождать.

– Не-а, мы так не договаривались.

– То есть?

– Не буду. У нас с «чинами» договор о ненападении.

– Что?! – не поверил своим ушам полковник.

– Мужики, у меня вокруг комендатуры шесть постов: четыре моих и два омоновских. Мои посты «чичи» не обстреливают. А у омоновцев договора нет – вот по ним и палят. Мне с ними ссориться не резон. Вам надо – вы и освобождайте завод.

– Та-ак, – протянул полковник МВД.

– Мне этот завод без надобности. Все равно там ни одного цеха целого не осталось. И солдат своих гробить мне без резона...

– Ах ты крыса, – Косарев двумя пальцами презрительно оттянул пуговицу на выглаженном не по местным условиям кителе коменданта. – Тебя первого в расход пускать надо.

– Что вы себе позволяете? – приосанился комендант, вспомнив неожиданно о своих погонах и должности.

– Я забираю ваших людей, – сказал полковник МВД.

– Нет, это не...

Косарев выразительно положил руку на рукоятку автомата и одарил коменданта таким взором, что у того вдруг нервно дернулась щека.

– Тебе, афганец, командовать, – сказал полковник Косареву.

– Это можно, – кивнул тот.

Комендатура размещалась рядом с заводом, где сейчас хозяйничали чеченцы. Зачем им понадобился завод? Скорее всего все для того же – для бандитского понта. Мол, вот вам цена заявлений о контроле над городом. Трепите языком, а между тем пусть горят нефтехранилища, взрываются заводские корпуса.

Полковник, Косарев и капитан из комендатуры выбрались на крышу ближайшего здания и через прибор ночного видения рассматривали вражеский бастион.

– Сколько их там? – спросил Косарев.

– Не меньше полусотни, – ответил капитан. В приборе ночного видения мир выглядел ирреально загадочным, бледно-желто-зеленым.

– Вон они, – сказал Косарев. – У них точка на крыше цеха. Если ее снять, то мы их накроем.

– Как снять? – спросил полковник.

– Попытаюсь. Нужно просто забраться туда и разобраться с ними.

– Забраться, – хмыкнул полковник.

– Ничего, сделаем, – Косарев сжал пальцами рукоятку разведножа...

Все повторялось. Снова он карабкался наверх. Снова должен был накрыть огневую точку. Только маршрут был полегче. Да вместо штатного «ПМ» в кобуре был спецназовский пистолет для бесшумной стрельбы. И война шла на своей земле. В России.

«Нохчей» было трое, одетых в новенькие комбезы, с новейшими разгрузочными жилетами – снабжение, похоже, у бандитов было на уровне – то же самое, с одних заводов, что и для

Российской армии, но гораздо более щедрое. Вели они себя беспечно. Двое дрыхли без задних ног, а третий, сидя на корточках, чуть слышно мычал какой-то восточный мотив и время от времени оглядывал окрестности в прибор ночного видения – точно такой же, в какой недавно рассматривали и его самого.

Он даже не успел понять, что происходит. Косарев вогнал ему в горло нож, закрыв рот рукой, чтобы не крикнул перед смертью. Второму, испуганно восторженному, тяжелая рукоятка ножа обрушилась под ухо. Третий был не дурак поспать, что для солдата непозволительно. Красная полоса прочертила и его шею.

– Доброй ночи, – прошептал Косарев и нажал два раза на кнопку оперативной рации «Джонсон» – сигнал, что поддела сделано.

Небо начинало бледнеть. Когда рассвело, «нохчи» начали выползать из укрытий, менять посты. Чувствовали они себя на территории завода как дома. И сильно просчитались.

Первый залп смел нескольких бандитов. Рвались гранаты, молотил пулемет, по территории метались перепуганные боевики, пытаясь занять выгодные позиции. Они отстреливались, но их выбивали с одного рубежа за другим. Через час зачистка территории была завершена. Понесшая серьезные потери банда уходила. «Нохчи» потеряли еще троих, пытаясь забрать тела погибших товарищей. Для них это святое.

Убитого врагами воина ислама нужно хоронить как полагается – до восхода солнца.

– Молодец, Рэмбо, отличная работа. Коли дырку для ордена, – сказал полковник МВД.

– А, – отмахнулся Косарев. – У нас есть потери?

– Ни одного убитого. Пацаев и Гаврилюк ранены.

– «Нохчей» хорошо потрепали, – Косарев посмотрел на лежащие трупы, на зеленоповязочников – воинов ислама.

Один из бандитов, скрючившийся за бетонными плитами в углу дворика перед третьим цехом, застонал, приподнялся, потряс головой.

– О, живой, гаденыш, – Косарев подошел к бандиту, нагнулся над ним. – Не похож на чеченца. Наемник.

Парень лет двадцати пяти, кучерявый, с длинным шнобелем, приподнял залитое кровью лицо и пронзил Косарева наполненным ненавистью взглядом. Огромный двухметровый собровоец легко, как куклу, вздернул бандита и поставил его на ноги.

– Идеальный. Зеленоповязочник, – собровоец сорвал с головы бандита зеленую повязку.

– Не убивайте, – прохрипел пленный. – Деньги будут.

– О чем ты поешь, «дух»? – Косарев взял бандита за короткие волосы и внимательно посмотрел ему в глаза. – Я бы всю жизнь на хлебе и воде провел, лишь бы вас, крыс, дожать.

– У меня семья. Не убивайте.

– Азер? – спросил Косарев.

– Да. Ленкорань. Не убивайте, да, прошу.

– Трясешься, воин ислама.

Косарев обшарил карманы пленного, извлекая из них пачки денег, какую-то бумагу с арабской вязью.

– Во, с паспортом, – удивился Косарев. В кармане пленного действительно лежал обернутый целлофаном паспорт. Довольно странно – обычно наемники предпочитали с собой не таскать документов.

– Керимов Бакир Бехбуд-оглы, житель и уроженец Мингечаурского района. Можно верить? – осведомился Косарев.

– Можно. Я и есть.

Косарев по оперской привычке переписал данные в свой блокнот.

– Куда его? В контрразведку? – спросил он полковника.

– Да. Пусть разбираются.

Глава 6

Первые хлопоты

– Это что? – в тот день, сразу по выходу из колонии, озадаченно осведомился Гвоздь, разглядывая спрятавшийся в зелени деревьев за высоким забором двухэтажный кирпичный дом, украшенный бойницами, башенками, колоннами.

– Это твоя хата, – пояснил Матрос.

– На какие такие деньги?

– Добрые люди деньги дают. Уважают Гвоздя. Ценят.

– Добрые, значит.

– Добрые, – Матрос распахнул металлическую калитку.

– Дорого встало? – Гвоздь ступил на посыпанную гравием дорожку и огляделся. Бассейн, беседка, скамейки, фонари, кажется, сворованные с какой-нибудь городской улицы.

– Не дороже денег. Прошу.

Гвоздь осмотрел все восемь просторных комнат, обставленных жутко безвкусно, но дорого. Резная мебель, аляповатые, в тяжелых рамах, картины, две неизвестно откуда стянутые статуи ню, в каждом углу по иконе, как в церкви, в столовой – две (!) хрустальные люстры. Гвоздь устроился в кресле напротив керамического, украшенного затейливыми узорами, похожего на праздничный торт камина.

– Ну как? – Матрос явно напрашивался на комплимент.

– Ты небось обставлял? – усмехнулся Гвоздь.

– Ага.

– Заметно.

– Душевно получилось, Гвоздь. Тут ханурики, дизайнеры эти, сперва возникали – то не то, се не се. Я им гонор-то сбил. Сделали, как сказал. А то забыли, кто баксы платит.

У Гвоздя было смешанное чувство. Тут было, конечно, неплохо. И вместе с тем давало о себе знать многолетнее тюремное воспитание. Вор в законе он или барыга? Это звание подразумевало определенный аскетизм, презрение к житейским благам и суеде.

Законник не мог раньше иметь никакого имущества. Считалось, что на воле он лишь гость. Настоящий дом вора – тюрьма. Зараза роскоши поползла в этот суровый орден с Кавказа – еще в начале семидесятых годов. Тогда как раз пошла в гору теневая экономика, и воры включились в дележ пирога, пошли огромные деньги. А зачем они, если их не расходовать на красивую жизнь? «Мерседесы», огромные дома, видики, роскошная одежда, деликатесы, бесконечные рестораны, загулы – это стало нормой сначала для воров на Кавказе. А потом пришло и в Россию.

Лет двадцать назад Гвоздь был на похоронах вора в законе в Грузии. Уважаемого человека провожала в последний путь толпа, как на Первомайской демонстрации. Кorteж машин, море цветов, венки – от родственников, от товарищей по ремеслу и, тайные, от местных властей предержащих, которые не могли по понятным причинам сами посетить похороны. Играл оркестр. Мальчики в строгих костюмах поддерживали под руки плачущих, одетых в черное вдову и дочерей безвременно ушедшего вора. Почтил похороны своим присутствием и главный пахан России, приехал из Ростовской области, где скромно проживал между отсидками. Пожилой, угрюмый, с изъеденным язвой желудком, синими от наколов руками, в сопровождении прихлебателей пахан, покачивая головой, обошел дом, осмотрел внимательно комнаты, лестницы из резного камня, старинную, с золотом, мебель, заваленные старинным фарфором горки. Посмотрел на рыбок, плещущихся в фонтанчике во дворе. И презрительно процедил:

– Он жил не как вор, а как князь.

Повернулся и ушел. И тут же, как по волшебству, куда-то делись машины.

Исчезли строго одетые мальчики. Растворился оркестр. И некому было тащить гроб...

Сейчас именно этот случай пришел на память Гвоздю.

– Чересчур богато. Не по совести, – покачал он головой утрумо.

– Да ты что, Гвоздь?! – возмутился Матрос. – Сейчас все так живут. У меня такого дома нет. А тебе положен. Иначе не поймут.

– Кто не поймет?

– Да никто не поймет. Если ты пахан – хаза должна соответствовать. Нет у тебя такой хазы, значит, и цена тебе как пахану невысока.

Гвоздь недовольно вскинул бровь.

– Это не я так думаю, – поспешно поправился Матрос. – Это все так думают. Знаешь, поговорка в ходу: если ты такой умный, то почему такой бедный?

– Да?

– А чего. Сейчас только баксы в цене. Остальное – разговоры в пользу бедных... Дела, Гвоздь, крутые впереди.

– Какие?

– Сучье племя на место ставить...

У Матроса последний год состоял из черной череды проблем и поражений. И развести возникающие ситуации он был не в силах. Гвоздь с его связями, жесткостью и авторитетом был для него спасательным кругом.

Гвоздя и Матроса связывали давние и крепкие нити. Ведь пятнадцать лет назад именно Гвоздь открыл это «молодое дарование» – Толю Дугина.

Кроме того, чтобы воровать или руководить братвой, уметь играть в карты и знать воровские законы, настоящий вор еще обязан неустанно заботиться о подрастающем поколении.

Эта задача всегда считалась одной из важнейших. Те, кто способствовал притоку молодежи, распространению традиций и идеологии воровского мира, пользовались всегда наибольшим авторитетом. Среди воров действительно было немало хороших педагогов. Для измотанных вечно пьяными родителями, семейными скандалами, недоедающих бесприютных детей из трудных семей они порой становились отцами родными. Многие искренне считали, что делают для своих подопечных благое дело и наставляют их на путь истинный. Но бросали они пацанов в адский водоворот, где те обречены были до смерти возвращаться в заколдованном круге этапов, СИЗО, зон, воровских малин, все новых и новых лихих дел.

Живет рядом с вором отчаянный мальчишка, не вылезающий из детских комнат, – не оставь его без внимания, прикинь, выйдет ли из него толк. Подкорми, присмотришь, подведи к делу, проверь. Глядишь, и придет вскоре на зону новый волчонок с хорошей рекомендацией – мол, наш человек, программные цели и задачи «общества честных арестантов» разделяет. Именно так и попался на глаза Гвоздю, как раз находящемуся на воле между двумя отсидками, Матрос – тогда ему было пятнадцать, и приводов в милицию он имел не меньше, чем двоек в дневнике, а двоек у него было немало, прилежностью в учебе не отличался. У дворовой шантрапы он пользовался славой психа, в любой драке поражавшего бешеным безумием. Кличку Матрос он получил, потому что по малейшему поводу рывком рвал рубаху на груди.

Блатные премудрости Матрос впитывал как губка. Вскоре он бойко рассуждал о том, что «сук и стукачей надо мочить», и готов был подписаться на что угодно.

В те годы воры занимались тем, чем и должны были заниматься – воровали. Гвоздь к работе относился добросовестно. Со своими помощниками он гастролировал по всему Союзу. Некоторые квартиры выпасали по два-три месяца, вели наружное наблюдение за хозяевами, определяя распорядок дня, тщательно разрабатывали планы. Народные артисты, заведующие торгами, ректоры институтов и цеховики – кто только не становился жертвами команды Гвоздя. Матрос тоже стал колесить вместе с паханом. Шел по проторенной дорожке. Стоял на

стреме. Пас хозяев. Добывал информацию. Рос, мужал. Для продолжения образования пора было уже и на зону. Впрочем, Гвоздь порой задумывался, а не ошибся ли он в выборе крестника, на воспитание которого убито столько сил. Матрос был слишком нервным, агрессивным, нетерпеливым. С таким темпераментом хорошо гопстопничать, брать, нацепив чулок на лицо и зажав в потной руке ствол, квартиры, грабить людей на больших дорогах. Вор должен обладать терпением и стремиться взять не столько нахрапом и силой, сколько умом и знанием воровских премудростей.

Опасения Гвоздя оправдались, когда Матрос получил первый срок. Сел он не по благородной статье – за кражу, как рассчитывал пахан. И даже не за грабеж, что на худой конец сошло бы. Сел за вульгарную «хулиганку» – по двести шестой статье. С кем-то сцепился, кого-то подрезал, расколотил какую-то витрину – позор на седины учителя! Так что пришел в воспитательно-трудовую колонию Матрос бакланом – то есть осужденным за хулиганство.

После этого пути-дорожки пахана и воспитанника разошлись, хотя иногда и сходились в самых неожиданных местах. Из ВТК Матроса за дурной нрав перевели во взрослую колонию. Выйдя оттуда, получил новый срок – уже за грабеж. В пересыльной тюрьме встретился с Гвоздем. Матрос к тому времени стал «kozyрным фраером», то есть человеком не последним. Следующий раз пересеклись в колонии строгого режима, куда Матроса перевели из другой зоны. Через два месяца Матрос вышел с малявой от пахана к братве в родном городе – в ней предписывалось оказать честному члену «общества» всяческое содействие. Это было в девяносто третьем году, так Матрос очутился в группировке «химмашевцев» под предводительством Володи Золотого.

Начинал Золотой с плешки у парка культуры и отдыха.

Было как раз время «полусухого закона» – водка и вино перекочевали с прилавков магазинов на спекулянтские пяточки.

Естественно, двинула туда и братва с требованием к спекулянтам: «Делитесь, фраера». Затем Золотой организовал подпольный водочный цех, успешно проработавший два года и так же успешно накрытый милицией. Впрочем, Золотого это не слишком расстроило. К тому времени он уже сколотил из отпетых уголовников, уличной шпаны и спортсменов района завода «Химмаш» приличную шайку, принялся за кооперативы, влез на рынок радиодеталей. С рекомендациями Гвоздя Матросу было обеспечено хорошее место в группировке. Он начал отвечать за девочек в районе площади у трех гостиниц – «Интуриста», «Юбилейной» и «Волны».

Спокойствия в городе не было. Звучали выстрелы и взрывы. Так, за год до выхода из зоны Гвоздя подорвался в своем «Ниссане» Володя Золотой. Кто начинил его машину двумястами граммами тринитротолуола, так и осталось тайной.

Решили на службу охраны одного из московских банков, который Золотой решил кинуть.

Группировка «химмашевцев» начала трещать по швам. Пошла борьба за власть. Среди прочих на вершину пирамиды пытался влезть Матрос со своим приятелем Киборгом – чемпионом России по культуризму. Пока между противоборствующими силами поддерживалось равновесие, но довольно хрупкое. Дело шло к крови. Матрос был не дурак и понимал, что шансы на победу у него не особенно велики. А в случае проигрыша, учитывая «любовь» к нему конкурентов, перспективы неважные – венки, похороны, постоянные свежие цветы на могиле и заверения покарать убийц в устах тех, кто этих же убийц и посылал. Тогда у Матроса возникла идея – призвать на правление Гвоздя.

Помимо внутренних противоречий были у «химмашевцев» и серьезные разногласия с конкурирующими фирмами. Так, в городе удавкой задушили и сбросили в пруд с бетонным кубиком на ногах воровского положенца Тему Дурака – постарались отмороженные из новых гангстеров, которые сперва убивают, а потом думают. И то, что за Тему Дурака перестреляли с полдюжины человек, положения не изменило.

На смену воровским понятиям приходили законы джунглей. Кто только не стриг теперь купоны и не наводил свои порядки. Дзюдоисты и боксеры сколачивали свои команды. Уличная шантрапа, еще вчера бившая друг друга физиономии, подалась в рэкет. Не отставали от них бывшие военные, сотрудники МВД, «афганцы» – эти с самого начала поставили себя круто, так что к ним лезть боялись все, даже самые отмороженные. Частные охранные структуры тоже все больше начали напоминать бандформирования. А что уж говорить о национальных общинах – дагестанских, азербайджанских, чеченских?! Всем хотелось урвать свой кусочек пирога, и желательно побольше. Можно откусить и от чужого куска – на то он и беспредел, чтобы не вспоминать о правилах и традициях. «Крыши», «кидки», финансовые аферы, дележ кредитов, уличный рэкет, а кроме того, привычные кражи и разбои, наркотики, торг оружием – чем только не занимался преступный мир в полуторамиллионном городе. Жизнь кипела, как лава в просыпающемся вулкане.

Одним из заправил беспредела был Седой Амиран – двухметровый звероподобный детина. Он не поднялся высоко в иерархии воровской общины и промышлял в прошлом преимущественно разбоями, а то и наемными убийствами. Теперь он с готовностью плюнул на традиции и решил жить по своим понятиям. А понятия у него были поганые. Он подминал под себя конкурентов, не считаясь ни с чьими интересами. Не давал людям работать, влезал на чужие территории, отказывался соблюдать правила бандитского общежития.

Еще когда был жив Золотой, Амирану приглянулась площадь у трех гостиниц. Однажды Матрос, обходя свои владения, обнаружил там новых девочек и «котов», которые и не думали платить налогов. Объясняли это тем, что работали на Седого Амирана. Так вспыхнула «война под красными фонарями», как ее прозвали потом. Больше всего в ней доставалось проституткам и сутенерам – их били, пытали, над ними издевались. Подрезали и нескольких бойцов, одного до смерти. И Золотой, и Амиран стояли на своем. Конец противостоянию жестко и эффективно положила милиция. Точнее, третье отделение милиции во главе с ее начальником. «На площадь не лезьте, точка теперь под нашим контролем», – заявили стражи порядка. Не понявших, о чем идет речь, бандитов быстро спровадили на нары. Побывал там и Матрос – правда, недолго, всего одну ночь, но достаточно неприятную. С ним говорил сам начальник отделения.

– Есть, браток, мафия чеченская. Есть солнцевская. Есть воровская, – объяснял майор.

Но это все щенки. Самая главная мафия наша, ментовская. И не дай бог тебе это проверить на своей шкуре.

Обалдевший, с трудом верящий своим ушам, Матрос проверять на своей шкуре эти заверения не стремился. С точки пришлось сниматься. Через год, правда, справедливость восторжествовала. РУОП и областной угрозыск накрыли третье отделение почти в полном составе и отправили туда же – на нары. Но буквально через два дня точку подмяли под себя «казанцы».

Между тем отношения «химмашевцев» и группировки Амирана продолжали портиться. После смерти Золотого Амиран совсем обнаглел и положил глаз на чужие коммерческие структуры. Как правило, бандиты, зарящиеся на какую-то фирму, заявляются туда и осведомляются, под кем она стоит. Убедился, что хозяин не водит за нос и действительно платит приличной команде, – отойди в сторону, не мешай коллегам по ремеслу делать деньги. Нахально лезть на чужие территории не принято даже в краю беспредела. Однако Амиран просто приходил и говорил: платите мне, а не кому-то. А потом следовали выстрелы, взрывы, пытки. Беря фирму под «протекторат», он вел себя совершенно не по-джентльменски – по «кавказскому варианту». Славяне берут двадцать пять процентов с прибыли и удовлетворяются этим. Кавказцы – обычно пятьдесят и более – при этом постепенно расставляют в конторе своих людей, а потом, как кукушата, выживают хозяев.

Однажды Амиран заявился в стоящее под «химмашевцами» МП «Елена», занимавшееся одним из самых выгодных ныне видов бизнеса – поставкой импортных продуктов. Пред-

ложил платить. Хозяин отказался. Вечером трое кавказцев затолкали его в синий «Мерседес», отвезли в лес, долго били, закопали по грудь в землю, стреляли у уха из пистолета. И таким образом «убедили», что платить надо вовсе не Матросу, а Амирану.

– А если Матросу не нравится – «стрелка» на двенадцатом километре северо-западного шоссе.

В положенное время Матрос со своими парнями подкатил туда. Вскоре появилась вереница машин во главе с роскошным шестисотым «Мерседесом», принадлежащим Амирану. Разговор получился короткий. Кавказцы выскочили из машин, у них было три автомата. Полоснули очередью поверх голов.

– На землю, не то всех положим! – заорал Амиран. Мальчики Матроса возражать не стали. Позиция у них была невыигрышная. Да на такой расклад никто и не рассчитывал. На «стрелках» не принято размахивать оружием. «Стрелка» – это разговор, выяснение позиций, расстановка акцентов.

Стрельба идет потом, если вопросы не утрясены. Остался стоять лишь Матрос, налившимися кровью глазами смотрел на своего противника – затянутого в кожу мускулистого грузина в черных очках.

– Сейчас вас всех, козлы, отпетушим, – заявил Амиран. – Сунетесь в «Елену» – гробы заказывайте. Ройте могилу.

«Козел», «отпетушим» – для блатного оскорбления страшные. Матрос, не помня себя, сделал шаг навстречу Амирану. Но он был беспомощен: прямо в лицо смотрел зрачок автомата. В бессильной ярости Матрос выхватил финку и несколько раз полоснул себя по руке.

Потом взлетел на воздух офис «Альтаира» – находящейся под крышей Матроса фирмы. Амиран распоясался. Но начинать с ним войну пока возможностей не было. Не хватало ни авторитета, ни боевых возможностей. Амиран без труда в течение часа мог поставить под ружье сотню-другую отморожков...

Гвоздь внимательно выслушал рассказ. Надо же, как обнаглел Амиран за последнее время! В «обществе» уважения бывший гопстопник так и не заслужил, но имел поддержку у Гоги Колотого и еще у пары грузинских воров в законе. Это одна из причин, почему он ведет себя так нагло.

– Подумаем, – кивнул Гвоздь, поглаживая Полосатика и глядя в мечущееся в камине пламя.

Переждав несколько дней, Гвоздь начал действовать.

– Зачем, Амиран, ребят обижаешь? Вон Матрос жаловался, – сказал Гвоздь, подсаживаясь в ресторане «Золотой луч» за столик, где расположился Амиран с длинноногой крашеной девицей.

– Матрос – богом обиженный. Эта территория моя... Даже тебе, брат, не советую лезть. Тут все круто схвачено. Учти!

– Учту...

Держать ответ перед тремя «законниками», потребовавшими его в столицу для выяснения и разбора, Амиран отказался. Он совсем сорвался с катушек и посчитал, что является наместником самого Господа на земле.

Через неделю Амиран исчез, и больше никто его не видел.

В тот же день было расстреляно семеро центровых из его группировки. А потом начался дележ его наследства. И Гвоздь, к тому времени ставший лидером «химмашевцев», принял в нем самое живое участие.

Глава 7

Под зеленым знаменем ислама

В начале девяностого года Советская армия вступила в первые за последние десятилетия серьезные боевые действия на территории СССР. Народный фронт Азербайджана требовал смещения первого секретаря ЦК Республики Муталибова и приведения к власти одного из своих лидеров Эльчибея. Начиналась резня некоренного населения.

Восемнадцатого января части четвертой общевойсковой армии, расквартированные в Сальянских казармах в Баку, были заблокированы тяжелыми грузовиками. В ночь с девятнадцатого на двадцатое в город вошли части Северо-Кавказского и Закавказского военных округов. Они встретили ожесточенное сопротивление боевиков народного фронта и ответили на него огнем из стрелкового оружия. Счет погибших в ходе столкновений шел на сотни. Но контроль за городом был установлен в первые же сутки.

Снова в городе на перекрестках стояли уже привычные за последние годы танки и бронемашины. По ночам улицы перекрывались солдатами, и движение без пропусков воспрещалось. Вновь и вновь по телевидению и в газетах повторялись слова, в которых ощущался лязг стали, – режим чрезвычайного положения.

В наряд на посту при выезде из города у Волчьих Ворот входили сержант, рядовой внутренних войск и солдат-связист из бакинского полка связи. Темнело. Близилось время комендантского часа, и водители торопились успеть добраться до места назначения.

– «КазАЗ» тормозим, – кивнул сержант и махнул гаишным жезлом.

Рядовой отошел подальше на обочину и поднял автомат, положив пальцы на затвор. Береженого бог бережет.

«КазАЗ» замер на дороге. Водитель знал, что по требованию наряда надо останавливаться. Иначе схлопочешь очередь вдогонку. Чрезвычайное положение.

– Сержант Савостьянов, – козырнул боец. – Куда следуете?

– Автотранспортное предприятие номер два. Вот путевка, – плотный, седой водитель, заискивающе улыбаясь, протянул документы.

– Что за груз?

– Ящики с запчастями.

– Покажите.

– Пожалуйста, – водитель с сержантом залезли в кузов.

Луч фонарика осветил ящики.

– Откройте.

– Пожалуйста, – водитель вскрыл монтировкой ящик. В нем действительно лежали промасленные запчасти к тракторам и грузовикам.

– Тот, – кивнул старший сержант на нижний ящик.

– Пожалуйста.

Тот же результат.

– И тот.

– Сержант, сколько можно? Начальство решит, что я ящик распечатал. Что хочешь? Деньги? Бери. Я тороплюсь. Сутки без отдыха. Скоро комендантский час.

– Открывайте.

– Но, сержант...

– А то я сам.

Водитель нехотя потянулся к ящику, но не к тому, на который указывал сержант.

Сержант коснулся пальцами затвора.

– Не дури, – прошипел он. – Вытаскивай его наружу.

В ящике под тряпьем лежали два автомата Калашникова и цинк с патронами.

– К машине. Руки за голову.

Сержант обыскал положившего руки на кабину водителя.

– Сержант, у тебя дембель скоро, – просяще произнес водитель. – Деньги нужны будут. Скажи, сколько. Много дам. Договоримся?

– Со своим ишаком договариваться будешь, – отрезал зло сержант. – Бакир, сообщи на Эльбрус – у нас машина с двумя стволами. Пусть присылают на разбор. А ты, мамед, стой тихо.

Смуглый связист из полка связи хмуро взирал на происходящее. Неожиданно он рывком ринулся на рядового внутренних войск и ударил его головой в лицо. Потом вырвал автомат Калашникова, передернул затвор и срывающимся голосом крикнул:

– На асфальт, русский билядь!

– Ты чего, белены объелся? – ошарашенно спросил сержант.

– Убью, билядь!

– Вот скотина, – автомат со стуком полетел на асфальт. Военнослужащие внутренних войск улеглись на асфальт.

– Что стоишь? – спросил связист шофера по-азербайджански. – Поехали!

Машина развернулась и рванула вперед. Через пару километров она свернула с шоссе и закрутилась по проселочным дорогам.

– Молодец, брат, – обрадованно воскликнул шофер. – Хорошо их. Почему?

– Ты мусульманин, я – мусульманин. А кто они? – развел руками солдат.

– Правильно. Но обратного тебе пути нет.

– Нет.

– Дорога одна – Карабах.

Так началась для дезертировавшего из Советской армии Керимова Бакира Бехбуд-оглы, семьдесят первого года рождения, его война.

Воевал в Карабахе. Попал в окружение, когда армяне зажали полк и практически полностью уничтожили его. Чудом остался жив. Потом снова воевал. Ушел из армии. После развала СССР бояться стало нечего. То, что он дезертировал из Советской армии, теперь уже не интересовало никого.

Вернулся домой, в Мингечаурский район, к матери, отцу, восьмерым младшим сестрам и братьям. К нищете на грани голода. Вскоре он понял, что дома ему места нет. Нет достойной работы, нет возможности позаботиться о родных, заработать хоть сколько-нибудь приличные деньги и поддержать семью. Война далеко не озолотила Бакира. А между тем к деньгам он относился с болезненной страстью – его жадность вызывала растерянность у знавших его людей.

Тут-то и подвернулся дальний родственник Ибиш Дергахов, весьма уважаемый человек в городе. Встретив Бакира на улице, он пенял, что тот не навещает «старика». Это означало, что «старик» требует встречи. От таких встреч не отказываются.

– Воевал. С армянами воевал. Хорошо воевал. Хвалю, – сказал он за чашкой чая, не замечая суетящихся и накрывающих стол дочек.

– Это угодно Аллаху, – потупился Бакир.

– Один мой друг ищет доблестных юношей. Он платит хорошо. И это тоже удобное Аллаху дело.

– Какое?

– Отвезти вещь. Приехать обратно и отвезти еще вещь.

– Что за вещь?

– Ты согласен?

Услышав сумму, Бакир согласился сразу.

А задание было нехитрое. Доставлять оружие и боеприпасы братскому чеченскому народу. Так стал Бакир работать на лидера партии «Боскурт», министра внутренних дел Азербайджана, личного друга Дудаева Искандера Гамидова.

После поспешного ухода Российской армии Чечня лихо вооружалась оставшейся в Закавказье и на Северном Кавказе по неким договоренностям боевой техникой. Поступал смертельный товар и из-за рубежа.

– Искандер, нужны «стингеры», мины к минометам, минометы и опять мины, – накручивал своего друга глава «Свободной Ичкерии». – Мины особенно нужны.

– Понял.

– И к «Граду» снаряды.

– Люди нужны?

– Нет. Оружие нужно. Мы тогда русских выметем до самой Москвы!..

Бакир вошел в отряд, занимавшийся переправкой в Ичкерия тех самых мин, снарядов к «Градам», патронов. А когда русские войска пересекли границу Чечни, он гордо заявил:

– Я хочу бить этих псов.

И стал бить «русских псов». С кем только не приходилось воевать бок о бок в этой войне. С хохлами с Западной Украины и воинами ислама из Иордании, с латышскими и эстонскими биатлонистками, русскими «Иванами» из Ярославля и Волгограда. Одни шли в бой из животной ненависти к большому раненому медведю – России, упоенные шакальным счастьем добить поверженного крупного зверя. Другие работали исключительно за деньги, их совершенно не интересовало, на чьей стороне правда. Бакир воевал и за деньги, и за идею. Порой он сам себе честно признавался, что больше все-таки за деньги.

Война началась для Бакира в Грозном, в те дни, когда боевики перемалывали части федеральных войск. Российская армия несла потери, но упорно рвалась вперед, нанося не менее ощутимый урон врагу, снося квартал за кварталом.

Конечно, шансов удержать столицу Ичкерии у дудаевцев не было, хотя иногда и возникала иллюзия, что это получится.

Больше Дудаев надеялся даже не на свою армию, а на десятки миллионов долларов, потраченные на московские средства массовой информации – те честно отработывали каждый цент, без устали и отдыха призывая Москву к капитуляции. По мере проигрыша в военных акциях Дудаев уверенно выигрывал информационную войну. Командиры Бакира, да и он сам, были убеждены, что победа будет за ними.

«Россия слаба духом, – говорил командир отряда Мусса Асланов во время «политработы» со своими бойцами. – Она не хочет побеждать. Можно трахать их женщин и мальчиков – русских это не интересует. У них нет победного знамени ислама. В их жилах течет вода. У них нет единства, воли, и друг друга они ненавидят больше, чем нас. Русские глупы и продажны. Они – низшая раса».

После кровавых боев за Грозный в начале девяносто пятого потребовалась еще пара месяцев, чтобы навести в городе относительный порядок. Да и во всей Чечне обстановка нормализовывалась. А потом грянуло «черномырдинско-басаевское перемирие», во время которого боевики стали возвращаться в места, откуда их недавно выбили. И уже через пару «мирных месяцев», когда федералы теряли людей ненамного меньше, чем во время самых ожесточенных боевых действий, Россия фактически контролировала обстановку только в Грозном. Да и то днем. Ночью же все более свободно действовали отряды боевиков, методично совершая вылазки и не экономя боеприпасы. Принимал участие в вылазках и Бакир. Так он оказался на «Красном молоте». Завод взяли не из-за его какого-то стратегического значения, а дабы еще раз продемонстрировать свои силы.

Операция прошла успешно. Вояки из комендатуры, как обычно, не высывали ночью и носа. А наутро русским подготовили хорошую встречу. Но... Все пошло кувырком..

Утром выяснилось, что русские сняли чеченские огневые точки. И накрыли идущих на смену боевиков.

В самом начале боя рядом с Бакиром рванула граната из подствольника, и после этого весь мир поплыл. Сознания он не терял. Но мир как-то отдалился, поблек. Пришел он в себя, когда здоровенный боец держал его за шкурку, а напротив стоял высокий, крепкий русский офицер и смотрел холодными злыми глазами. Бакир не знал, что перед ним майор милиции Косарев. И что им еще предстоит встретиться в будущем. Вот только встреча та будет еще похуже, чем эта. Но мало кому дано прочесть еще не написанные страницы жизни.

Потом Бакира допрашивали контрразведчики. Чтобы отвязались, пришлось их задобрить кое-какой информацией.

Затем фильтрационный пункт. И свобода. Бакиру повезло – он попал в число обмениваемых пленных. Его и еще троих боевиков махнули на двух контрактников, искалеченных и физически, и душевно людей, видевших, как двоих их товарищей распинают еще живыми на кресте на сгоревшем бэтээре.

Вырвавшись на волю, Бакир решил, что его война закончена. Лечиться от ран домой он отправился с намерением больше не возвращаться в этот кошмар...

Прошли годы. Русские, показав всемирно свою слабость и продемонстрировав позор, бежали из Чечни. Потом был рейд на Дагестан, бои за Ботлих. Потом русские вернулись в Чечню. Но Бакира это не трогало. У него была своя война. Не менее напряженная. Война за деньги...

Глава 8

Хорошая жизнь

Гвоздь быстро приспособился к жизни в новых условиях. И почувствовал вкус такой жизни. Деньги, деньги. Кому сегодня их делать в России, как не лихому человеку? Притом деньги такие, по сравнению с которыми подачки от цеховиков в былые времена – просто милостыня на паперти. Деньги обладают одним свойством – чем больше их у тебя, тем больше хочется.

Времена, когда бандюги просто занимались вымогательством, потихоньку уходят. Ныне братва надевает костюмы и бабочки, сама стремится подписывать договоры и вести переговоры. И тогда, естественно, возникает вопрос о вложении капиталов.

Гвоздь быстро понял, где лежат самые аппетитные куски пирога. Большие партии нефти и стратегического сырья – аппетитно, просто слюнки текут, но не дотянешься, слишком высоко. Там крутые московские чиновники верховодят, да некоторые банки, да несколько серьезных воровских авторитетов. На хромой кобыле не подъедешь. Эта тарелка с куском пирога на слишком высокой полке. Банковские кредиты, липовые компании, прокрутка денег – уже ближе, но тоже не так все просто, как хотелось бы. Крупные банки давно под крышей – или воровской, или ментовской. На мелких банках много не сорвешь. Что остается? Торговля? Продукты, техника? Стройматериалы? Оно конечно, но... мало. Настоящие легкие деньги все-таки лежат в тени. В теневом бизнесе. А что там? Наркотики, оружие, внутренние человеческие органы.

До внутренних органов Гвоздь, естественно, не опустился – стремно. А оружие... Тут кое-что наметилось. С началом чеченской кампании он умудрился выступить посредником в паре сделок с боеприпасами – они требовались армии Чечни для уничтожения российских солдат. Есть спрос – есть предложение. Остальное побоку. Помог он борющейся за независимость Чечне и с наемниками – нашел нескольких отмороженных идиотов, владевших снайперским искусством, которым совершенно все равно, за что получать деньги. И тогда ясно понял, что война может быть тоже выгодным делом.

Вор в законе Гвоздь привыкал мыслить по-капиталистически. И неважно, чем кончаются войны. Главное, что они идут к выгоде людей, умеющих делать дела... Впрочем, когда началась вторая чеченская война, подходы начали меняться, и бизнес на войне стал более опасным, но Гвоздя это не смутило. Он просто ушел в сторону, потому что у него и так было чем занять своих ребят.

Потом настала очередь наркотиков. Началось с того, что ему вменили в обязанность обеспечивать наркотой и деньгами две колонии. Наркотиков требовалось немало, в городе на них цены достаточно высоки, и, используя старые связи, Гвоздь наладил канал с Азербайджаном. Получалось раза в три дешевле. Сперва все посылки «съедала» зона. Потом часть товара подручные Гвоздя начали сдавать оптовикам – поначалу в своем городе. Потом потянулись покупатели из других регионов. Постепенно «химмашевцы» входили в наркобизнес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.